

Русское вольнодумство при импер. Екатеринѣ II-й и эпоха реакціи.

(Окончаніе).

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Долженъ былъ послѣдовать конецъ и господству на Руси модной философіи XVIII вѣка. И оно кончилось. Паденію этого господства содѣйствовали слѣдующія обстоятельства.

1) Духъ человѣческій, во глубинѣ своей признающій религію, былъ первымъ противникомъ модной философіи, особенно духъ русскаго человѣка, всѣми историческими преданіями привязаннаго къ вѣрѣ. Часто бывало, что при чтеніи вольнодумныхъ сочиненій или въ отвѣтъ на вольнодумныя рѣчи изъ глубины души нашихъ предковъ поднимался голосъ истины, вопіющій противъ невѣрія и неостражимо свидѣтельствующій въ пользу вѣры. Такъ въ автобіографіи И. В. Лопухина читаемъ, что сначала онъ принадлежалъ къ любителямъ Вольтера и Руссо, и охотно читывалъ сочиненія, направленныя противъ религіи, но вотъ какой случай отклонилъ его отъ опаснаго пути вольнодумства. Ему попалась въ руки *система природы* Гольбаха; онъ сдѣлалъ изъ нея извлеченіе и хотѣлъ было распространять его въ рукописяхъ; но тотчасъ же почувствовалъ сильнѣйшее утрызвеніе совѣсти и раскаяніе. Тогда онъ сжегъ переводъ и въ очищеніе своей совѣсти написалъ

разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ (1780 г.)¹⁾. Нѣчто подобное находимъ и въ автобіографіи Фонъ-Визина. Послѣ бесѣды съ однимъ вольнодумнымъ княземъ, «я», пишетъ Фонъ-Визинъ, «терзаемъ будучи мыслями, поселенными въ меня безбожническою бесѣдою, хотѣлъ досужное время употребить на дѣло мнѣ полезнѣйшее, а именно, подумавъ хорошенько и призвавъ Бога въ помощь, хотѣлъ опредѣлить систему мою въ разсужденіи вѣры. Итакъ отправился я въ Царское село въ твердомъ намѣреніи упражняться въ богомысліи, а чтобъ было изъ чего мнѣ почерпнуть правила вѣры, то взялъ я съ собою русскую Библію; для удобнѣйшаго же пониманія взялъ ту же книгу на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Первое утро открылъ я книгу, и мнѣ какъ нарочно встрѣтилось мѣсто, которое весьма причастствовало моему намѣренію, а именно глава VI Второзаконія: *и да будутъ тебѣ словеса сія, яже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердце твоемъ и въ души твоей; и да наказеши ими сыны твои, и да глаголеши о нихъ сидя въ дому, и идый путемъ, и лежа, и востая* (ст. 7). Сіе встрѣтившееся мнѣ встати мѣсто изъ св. Писанія наложило на меня долгъ вслебую досужную минуту посвятить испытанію о Высшемъ Существомъ». Результатомъ этихъ благочестивыхъ занятій было извлеченіе изъ книги: *Самуэля Кларка доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры*²⁾. Впослѣдствіи всю жизнь Фонъ-Визинъ съ горестію вспоминалъ о своемъ временномъ увлеченіи вольнодумствомъ и, въ послѣдніе годы жизни пораженный тяжкою болѣзнію, говорилъ питомцамъ московскаго университета: «дѣти, учитесь изъ моего примѣра, я наказанъ за

¹⁾ Исторія русск. литературы Галахова I. 567.

²⁾ Соч. Фонъ-Визина Спб. 1852. 320—326.

свое вольнодумство: не оскорбляйте Бога ни словомъ, ни мыслию».

Еще болѣе рѣзкій и въ психологическомъ отношеніи замѣчательный примѣръ обращенія отъ вольнодумства къ благочестію представляетъ исторія князя Владиміра Сергѣевича Долгорукова. Съ 18 ноября 1762 г. онъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ при прусскомъ королѣ Фридрихѣ Великомъ, и раздѣлялъ вольнодумный образъ мыслей этого короля философа. Родной братъ Владиміра Сергѣевича князь Петръ Сергѣевичъ Долгорукій, оставшійся въ Россіи, былъ совсѣмъ другаго образа мыслей относительно религіи. Оба брата, не смотря на свой различный образъ мыслей, питали другъ къ другу нѣжную дружбу и находились во взаимной перепискѣ. Тщетно кн. Петръ Сергѣевичъ старался склонить любимаго брата на свою сторону, убѣждая его въ письмахъ, что безъ вѣры не можетъ быть для него блага ни въ сей жизни, ни въ будущей. Кн. Владиміръ Сергѣевичъ смѣялся надъ убѣжденіями брата и наполнялъ свои письма ссылками на модныхъ философовъ. Постоянныя бесѣды съ Фридрихомъ Великимъ поддерживали его въ заблужденіи. Однажды кн. Долгорукій, возвратясь поздно отъ короля и чувствуя сильную усталость, раздѣлся наскоро, бросился въ кровать и немедленно уснулъ. Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то отдергиваетъ его за павѣсь, приближается къ нему, и холодная, оледенѣвшая рука, прикасается къ его рукѣ и жметъ ее. Онъ смотритъ и видитъ брата своего, слышитъ слово, имъ произнесенное: *вѣра*. Обрадованный этимъ явленіемъ Долгорукій пробуждается, хочетъ броситься въ объятія своего брата, но призракъ исчезаетъ. В. А. Долгорукій отворяетъ дверь въ другую комнату, пробѣгаетъ по всему дому, будитъ служителей, спрашиваетъ у каждаго: *идетъ братъ мой? куда онъ дѣвался?* Наконецъ удостовѣряется, что видѣнное имъ не болѣе, какъ

сонъ, игра воображенія; но слово: *смерть!* продолжаетъ раздвигаться въ ушахъ его и не даетъ ему покоя. На другой день Фридрихъ узнаетъ причину печали русскаго посланника, смѣется надъ нимъ, старается утѣшить его и успѣваетъ въ этомъ. Тѣмъ не менѣе Долгорукій записалъ въ памятной книжкѣ случившееся съ нимъ, означилъ день, часъ, минуту... Первые вѣсти изъ Россіи сообщили ему о кончинѣ брата, послѣдовавшей въ ту самую минуту, какъ онъ его видѣлъ и слышалъ. Истинная вѣра пробудилась съ того времени въ сердцѣ вольнодумца и раскаяніе заступило мѣсто заблужденія. «Молодые люди», говорилъ кн. Владиміръ Сергѣевичъ, возвращаясь въ 1787 году въ Россію послѣ кончины Фридриха Великаго, «вотъ что послѣдовало со мною. Всемогуцій сжалился надо мною, извлекъ меня изъ пропасти. Берегитесь попасться въ нее: не читайте книгъ соблазнительныхъ. Примѣръ мой да послужить вамъ поученіемъ. Безъ благочестія нѣтъ счастья на землѣ; не найдете его и въ будущей жизни» ¹⁾).

2) Были на Руси люди, которые считали своимъ долгомъ бороться противъ господствующаго вольнодумства. Таковы прежде всего лица духовныя, которыя по самому сану своему не могли равнодушно смотрѣть на погрѣшеніе религій. Изъ нихъ съ почтеніемъ можемъ упомянуть митрополита московскаго Платона, Анастасія Братановскаго и Георгія Конисскаго. Извѣстенъ анекдотъ о разговорѣ Платона съ философомъ Дидро, во время пребыванія сего послѣдняго въ Петербургѣ. «Извѣстно ли вамъ, святой отецъ», сказалъ Дидро Платону, «что философъ Дидро говоритъ: *нѣтъ Бога*»?—Это еще и прежде него было сказано,—возразилъ Платонъ. «Гдѣ же?» У пророка Давида въ псалмахъ сказано: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Богъ*, а ты устами произ-

¹⁾ Словарь достопамят. людей В. Каменскаго II, 282—286.

носишь». Пристыженный философ замолчалъ. Извѣстно также, что митр. Платонъ очень не одобрялъ увлеченія императрицы модными философами, что и было причиною нѣкотораго охлажденія между нимъ и государынею. Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ своихъ митр. Платонъ доказывалъ необходимость искупленія, отвергаемаго философами; разсуждалъ объ управленіи міра Творцемъ, который можетъ измѣнять законы природы: опровергалъ доводы вольнодумцевъ, отрицавшихъ безсмертіе души.—Другой проповѣдникъ Екатерининскаго времени, Анастасій Братановскій также съ особенною силою доказывалъ безсмертіе души въ надгробныхъ словахъ Вещому (1795) и Шувалову (1797). Истину безсмертія души проповѣдникъ утверждаетъ не текстами св. Писанія, а соображеніями разума—именно признаніемъ недостаточности для добродѣтели земныхъ наградъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полемизируетъ противъ отрицающихъ безсмертіе души: положительное ученіе идетъ у него рука объ руку съ полемикою противъ господствовавшаго безвѣрія. Тотъ же Анастасій Братановскій съ цѣлію подрывать вліяніе философовъ XVIII в. перевелъ съ французскаго двѣ книги: *Предохраненіе отъ безвѣрія и нечестія* (1794 г.) и *Истинный Мессія или доказательство о божественномъ происхожденіи въ мірѣ Іисуса Христа и о Его Божествѣ* (1794 г.). Георгій Конисскій написалъ отвѣты на открытые вопросы Вольтера къ лицамъ духовнаго званія (Это сочиненіе есть въ рукописи въ кіево-софійской бібліотекѣ и напечатано въ послѣднихъ №№ *Домашней Бесѣды* 1867 года).

Кромѣ лицъ духовныхъ, по самому званію своему обязанныхъ защищать вѣру и церковь и бороться съ вольнодумцами, горячо, хотя и по своей охотѣ, боролись съ ними русскіе масоны Екатерининскихъ временъ. Масонство и на западѣ имѣло значеніе, какъ противодѣйствіе холодному духу невѣрія, отвратительному для людей съ горячимъ сердцемъ

и пылкимъ воображеніемъ. Съ тѣмъ же значеніемъ явилось оно и на Руси. Одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей русскаго масонства, профессоръ московскаго университета Шварцъ, читалъ лекціи противъ невѣрія. «Главное и для тогдашняго времени поразительное явленіе было то (говорить одинъ изъ слушателей Шварца), съ какою силою простое слово профессора исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ казалось тогда весь умъ заключался, замѣнивъ ихъ Библіею». Другой знаменитый русскій масонъ Н. И. Новиковъ въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, каковы: *Утренній свѣтъ*, *Московское изданіе*, *Вечерняя заря* и *Покоящійся трудолюбецъ*, также имѣлъ въ виду опроверженіе энциклопедизма. Въ предисловіи къ *Московскому изданію* Новиковъ говоритъ: «причиною предпріятія было состраданіе, которое всякій мыслящій чувствуетъ, слыша, что люди умные, просвѣщенные и почтенные говорятъ надменно и вооружась остроуміемъ о заслонѣ ко спасенію рода человѣческаго первыми людьми полученномъ, и взирая на простодушныхъ людей, прилежно внимающихъ умствованію вольномысленныхъ мудрецовъ». Новиковъ старался подорвать благоговѣйное почтеніе русскаго общества къ философамъ XVIII вѣка, ученымъ, но чуждымъ истинной нравственности. «Если у ученаго злое сердце (говоритъ *Московское изданіе*), то онъ со всею своею ученостію будетъ сущимъ невѣждой, вреднымъ и себѣ, и обществу. Отъ такихъ-то ученыхъ и возникла вся мерзость на земномъ шарѣ. Чистосердечный мужикъ можетъ лучше воспринимать истину, нежели развращенный звѣздочетъ». Смотра на энциклопедистовъ съ этой точки зрѣнія, Новиковъ предостерегаетъ русскую публику «отъ тѣхъ высокихъ и вмѣстѣ низкихъ любомудровъ книжнаго вѣка, которые прославляютъ истину, состоящую въ послѣдованіи склопностямъ нашимъ, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря,

что природа къ тому насъ побуждасть, и что безумно возлагать оковы на виновницу толикихъ удовольствій и сладости». Мы уже упоминали еще объ одномъ извѣстномъ русскомъ масонѣ, И. В. Лопухинѣ, написавшемъ *Разсужденіе о злоупотребленіи разума некоторыми новыми писателями и проч.*— Не говоря объ открытой литературной полемикѣ, много противодѣйствовали русскіе масоны вліянію энциклопедизма уже тѣмъ самымъ, что отвлекали на свою сторону значительную часть образованной русской публики и внушали ей свое міросозерцаніе, правда фантастическое, туманное и не выдерживающее богословской критики, но во всякомъ случаѣ существенно различное отъ міровоззрѣнія энциклопедистовъ. Императрица Екатерина неблагоклонно относилась къ мистическому туманному направленію масоновъ и осмѣивала ихъ въ своихъ комедіяхъ: *обманищъ, оболъченный и Шаманъ сибирскій* и въ небольшой статьѣ: *тайна противуположнаго общества*. Велѣдъ за императрицею и большинство русской публики считало масоновъ то помѣшанными чудаками, то шарлатанами, обманывающими простосердечныхъ людей подъ покровомъ мнимой таинственности. Но русскіе масоны не принимали на свой счетъ этихъ нареканій, будучи убѣждены, что они частію происходятъ отъ недоразумѣнія, частію касаются не истинныхъ, а ложныхъ масоновъ.

Трудами частію русскихъ духовныхъ лицъ, частію масоновъ была переведена на русскій языкъ иностранная апологетическая литература противъ энциклопедизма. Сюда относятся слѣдующія книги: *безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное* (1779); *посрамленный безбожникъ и натуралистъ* (1787), *торжество вѣры надъ невѣрующими и заблуждающими* (1792), *Вольтеръ обнаженный* (1787), *Вольтеръ изобличенный* (1792), *Вольтеровы заблужденія* (1793) и проч.

3) Много разочаровывались наши соотечественники въ модной философіи, побывавъ въ отечествѣ ея—Франціи и лично познакопившись съ модными философами. «Ни въ чемъ въ свѣтѣ я такъ не ошибался (пишетъ Фонъ-Визинъ въ своихъ письмахъ изъ заграничнаго путешествія), какъ въ своихъ мысляхъ о Франціи. Радуюсь сердечно, что я ее самъ видѣлъ и что не можеть уже никто разсказами своими мнѣ импозировать. Мы всѣ, сколько ни есть насъ русскихъ, вседневно сходясь, дивимся и хохочемъ, соображая то, что видимъ, съ тѣмъ, о чемъ мы, развѣся уши, слушали. Славны бубны за горами—вотъ прямая истина!—Кромѣ Руссо видѣлъ я всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ авторовъ. Я въ нихъ столько же обманулся, какъ и во всей Франціи. Всѣ они, выключая весьма малое число, не только не заслуживаютъ почтенія, но достойны презрѣнія... почти всѣ таковы, что гораздо пріятнѣе читать ихъ сочиненія, нежели слышать ихъ разговоры. Самолюбіе въ нихъ такое, что не только думаютъ о себѣ, какъ о людяхъ достойныхъ алтарей, но и безстыдно сами о себѣ говорятъ, что они умомъ и твореніями своими приобрѣли себѣ бессмертную славу. Помнишь, какого мнѣнія о себѣ былъ нашъ Сумароковъ, и что онъ о своихъ достоинствахъ говаривалъ? Здѣсь всѣ Сумароковы; разница только та, что здѣшніе смѣшнѣе, потому что вѣдь на нихъ гораздо важнѣе.. Изъ всѣхъ ученыхъ удивилъ меня д'Аламбертъ. Я воображалъ лице важное, почтенное; а увидѣлъ премерзкую фигуру и преклоденькую фізіогномію». (Соч. Фонъ-Виз. Спб. 1852 г. стр. 387). Въ письмахъ изъ-за границы къ гр. П. И. Панину, Фонъ-Визинъ еще съ бѣльшею суровостію отзывается о модныхъ философяхъ. «Почти во всѣхъ (говорить онъ) нашелъ я много высокомерія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести. Конечно ни одинъ изъ нихъ не поколеблется сдѣлать презрительнѣйшую подлость для корысти или тщеславія. Я не

нахожу, чтобъ въ свѣтѣ такъ мало другъ на друга походило, какъ философія на философовъ... Въ разсужденіи денегъ не гнушаются и они человѣческой слабостію. Д'Аламберты, Дидероты въ своемъ родѣ такіе же шарлатаны, какихъ видали я всякій день на бульварѣ; всѣ они народъ обманываютъ за деньги и разница между шарлатаномъ и философомъ только та, что послѣдній къ сребролюбію присовокупляетъ безпримѣрное тщеславіе... Сколько я понимаю, вся система нигилистическихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобъ люди были добродѣтельными независимо отъ религіи; но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ чловѣкомъ? Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ и не готовъ жертвовать ему всею своею моралью? Одно тщеславіе ихъ простирается до того, что сами науки сдѣлались источникомъ непримиримой вражды, и одинъ писатель не можетъ терпѣть другаго и почитаетъ праздною всякій случай уязвить своего совѣтника. При всей ихъ премудрости нѣтъ въ нихъ и столько разсудка, чтобы осмотрѣться, какъ безчестятъ себя сами, ругая другъ друга, и въ какое посмѣяніе приводятъ себя у тѣхъ, въ коихъ хотятъ вселять къ себѣ почтеніе. Вотъ каковы тѣ люди изъ которыхъ Европа многихъ почитаетъ великими, и которые, можно сказать, всею Европою повернули голову! Надлежитъ только взглянуть на нигилистическихъ господъ философовъ, чтобъ увидѣть каковы чловѣкъ безъ религіи, а потомъ заключить, какъ прочно было бы безъ ней все человѣческое общество». (Соч. Фонъ-Визина. Спб. 1852 г. Стр. 307—310).

Очень можетъ быть, что и другіе русскіе путешественники, побывавъ за границей, выносили оттуда такое же разочарованіе въ модной философіи, какъ и Фонъ-Визинъ.

4) Но окончательный ударъ господству на Руси модной философіи положила французская революція съ ся царсубійствомъ, попраніемъ религіи, неслыханнымъ проволпролитіемъ и звѣрствомъ и всѣми ужасами, на какія способна совершенно разнуздавшаяся человѣческая природа. Немного нужно было соображенія для того, чтобы поставить въ связь теорію философовъ XVIII в. съ разрушительною практикою революціи. И русское общество, и русское правительство поняли, къ чему ведутъ хваленныя модныя начала философіи и отвернулись отъ нихъ съ негодованіемъ. Какъ Каракозовскій выстрѣлъ 4 апрѣля 1865 года положилъ конецъ господству современнаго нигилизма, такъ смертоносный ударъ, поразившій несчастнаго Людовика XVI-го, уничтожилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нашемъ отечествѣ все обаяніе модной философіи. Чтобы видѣть съ какимъ отвращеніемъ и ужасомъ отзывались наши предки о французской революціи, приведемъ нѣкоторыя выдержки объ ней изъ историка Екатерины II, Сумарокова, бывшаго современникомъ революціи и судившаго о ней съ точки зрѣнія тогдашняго русскаго общества. «Еще со временъ Людовика XIV-го (говоритъ Сумароковъ) нравственность постепенно повреждалась, *вѣра ослабывала* и общее мнѣніе измѣнялось. Стали признавать пороки слабостями, слабости пороками, извинять отступленіе отъ правилъ церкви, давать имъ превратный толкъ, не стыдиться предосудительныхъ своихъ поступковъ, даже щеголять ими, и шагъ за шагомъ приближались къ пагубной цѣли.. Предстали философы самозванцы, увѣряли, что они умнѣе всѣхъ отъ сотворенія міра, что на кафедрахъ проповѣдуютъ обманъ, въ книгахъ церковныхъ печатаютъ бредъ, что они все образуютъ и дадутъ смертнымъ новыя уставы не съ синайской горы, а изъ своихъ кабинетовъ.. Поученія философовъ съ адскимъ злопамѣреніемъ произрастали желаемый ими плодъ... Уже черная желчь разли-

лась въ сердцахъ, уже люди спѣшать стать тиграми.. На кого ополчаются? На короля милостиваго, на отца своего. За что? Никто не уважаетъ причины; онъ никому не оказалъ зла; всѣ помысленія его были о благѣ народа; развѣ за излишнюю къ извергамъ любовь?.. Вотъ плоды безвѣрія, лжесочиненія, развращенія нравовъ! Народъ безъ руководства претворяется въ тигровъ.. Бунтовщики сочинили права человѣка, будто въ теченіе 7000 лѣтъ до ихъ безумныхъ уставовъ родъ человѣческій влачилъ дни свои въ дикомъ безъ правилъ состояніи». (Обозрѣніе царств. импер. Екатерины III, 32. 33—41 46).

«Франція въ бѣснованіи своемъ (говоритъ Сумароковъ въ другомъ мѣстѣ), влекла за собою всю Европу. Проповѣдники ея вторглись въ кабинеты дворовъ, въ наставники юношеству; журналы превозносили хвалами адскіе подвиги, совершенные въ Парижѣ, провозглашали перерожденіе вселенной, полную свободу. Умы поколебались, обольстились новыми правилами,.. послѣдовала странная перемѣна во мнѣніяхъ и правительства встревожились, предпринимали мѣры осторожности, какъ отъ заразной чумы. Французы сдѣлали науку варварства, щеголяли тѣмъ и достигли совершенства.. Многимъ изъ нихъ приличествовала сія надпись:

Ступай душа во адъ и буди вѣчно пылица,
О! если бы со мной погубла вся вселенна!

Каждое ихъ дѣяніе носило на себѣ печать безумія, злобы, несправедливости въ дѣлахъ и стремленіе устроить на развалинахъ отечества собственную пользу» (ibid. 67—69).

«Какъ сообразить это? (говоритъ Сумароковъ въ третьемъ мѣстѣ) сочиняютъ права человѣка—и разрушаютъ первѣйшія, священнѣйшія его обязанности! Стремятся будто къ образованію правленія, и убиваютъ вѣру, нравственность, побуждаютъ гражданъ къ неистовствамъ! (ibid. 91—95). И во адѣ нѣтъ подобнаго безчеловѣчію!» восклицаетъ Сумароковъ, описывая об-

ращение революціонеровъ съ Людовигомъ XVI. «Въ какой странѣ было столь продолжительное согласіе на звѣрство? Кто слыхалъ, чтобы ноги не повиновались головѣ, или чтобы подвластный начальствовалъ надъ повелителемъ? Развернемъ всѣ лѣтописи и не смѣемъ подобнаго отступленія отъ всѣхъ чловѣческихъ правилъ» (ibid. 121).

Описать убіеніе Людовика XVI. Сумароковъ восклицаетъ: «нѣтъ, не оправдится Франція, во вѣки не смость съ себя клейма; оно пребудетъ къ обличенію ей и въ поучительный примѣръ для охотниковъ передѣлывать государства! Въ теченіе 4 лѣтъ довольно было времени образумиться, раскаяться; напротивъ неистовства продолжались, усиливались, и сіе положительно доказываетъ, что ожесточеніе съ безправственностію содѣлялись стехіею французовъ».

Французская революція (высказываетъ общее сужденіе Сумароковъ) не походить ни на одну изъ извѣстныхъ намъ. Всѣ они были, можно сказать, случайными, мимоходными съ однимъ направленіемъ; напротивъ того во Франціи не имѣла она предмета и состояла изъ смѣшенія однородныхъ беззаконій. Безстыдство, сумасшествіе, непостоянство и варварство между собою соединялись; Франція плавала въ крови, казалось, что перевернулася къ аду, и что выступившія оттуда фуріи замѣнили людей.. Нечестіе господствовало въ высочайшей степени; брали съ алтарей священные сосуды, пили изъ нихъ за домашними трапезами, закрашивали лице Богоматери и апостоловъ, называли Христа главою аристократовъ, сожигали иконы, священные книги... Актеръ Монвель дерзнулъ во храмѣ св. Роха при многочисленномъ стеченіи произнести: *нѣтъ Бога! а если Онъ существуетъ, то пусть, услыша мои поношенія Ему, вступится за Себя*. Дабы низложить христіанскую религію воздвигли въ церкви Богоматери (Notre Dame) статую въ видѣ свободы и разсудка, коего болѣе не имѣли;

посадили на мѣстѣ святая святыхъ развратную женщину, покланялись ей, около нея играла музыка, плясали сатиры въ священническихъ одеждахъ; произвели въ божество презрительнаго Марата и провозгласили: *да исчезнетъ съ лица земли христіанство, законъ заблужденія и крови!* (тогда какъ проливали ее рѣками). Ни Нероны, ни Максимини, ни Діоклетіаны и Юліаны не ругались такъ надъ христіанствомъ. Не могло оставаться долго подобное разцѣпленіе всѣхъ человѣческихъ обязанностей; увѣрились въ глупости и для поправленія оной выдумали новую. Робеспьеръ сочинилъ свою вѣру и чтобы придать ей важность и силу, учредилъ въ Тюльери театральное торжество. Тамъ возсѣдалъ опъ на богатомъ возвышеніи, сожгли на кострѣ изображеніе невѣрія, вмѣсто него изъ пепла вылетѣла мудрость; законоположникъ предложилъ бытіе снова верховнаго существа и безсмертіе души съ образца язычниковъ. Послѣдовало общее одобреніе, шумѣли въ восхищенія и рукоплескали какъ бы при представленіи комедіи или балета. Послѣ перваго дѣйствія началось второе; шли на Марсово поле, пѣли гимны, женщины клялись вступать въ супружества только съ воинами; опредѣлили невѣдомые дотошъ поклоненія истинѣ, чистотѣ, геройству, счастью, злополучію, свободѣ міра. Не достаетъ послѣ сего ни соображеній, ни словъ къ заключенію. Іѣнусныя тираны низлагаетъ вѣру — повинуются; предлагаетъ смѣхотворную — припимаютъ ее!» (ibid. 152—155).

Факты говорятъ сами за себя, но въ передачѣ ихъ слышится раздраженный и негодующій тонъ русскаго современника французской революціи. Тотъ же тонъ ужаса и негодованія слышится и въ стихотвореніяхъ Державина: *на казнѣ Людовика XVI и на безбожниковъ*. Тѣмъ же тономъ ужаса и негодованія говорило о франц. революціи и все русское общество; и наконецъ — съ такимъ же отвращеніемъ въ концѣ концовъ отнеслась къ революціи и сама Екатерина.

Сначала впрочемъ императрица не придавала особенно важнаго значенія франц. революціи, считала ее переворотомъ, касающимся одной Франціи и только впоследствии оцѣнила ее всемірное значеніе. Сегюръ пишетъ, что, узнавъ о рѣшимости франц. короля созвать государственные чины всего королевства, императрица очень выхваляла эту мѣру. «Я право не пахожу словъ» сказала она, «чтобы похвалить молодаго короля, который для Франціи является достойнымъ соперникомъ Генриха IV». «Екатерина II-я (замѣчаетъ Сегюръ), при всей проникающей силѣ своего ума, жестоко ошибалась тогда на счетъ положенія франц. правительства, которому предвѣщала она славу и счастье» (Записки Сегюра въ русск. пер. 169). Это было въ 1787 г. Годъ спустя Сегюръ писалъ: «Екатерина II-я, судя по себѣ о другихъ, видѣла величіе въ добротѣ Людовика XVI. Она надѣялась, что король, соединяя твердость съ добродѣтелями, сокрушитъ препятствія, которыя встрѣтили его любовь къ народу и его благія намѣренія—съ одной стороны въ малодушныхъ придворныхъ, врагахъ преобразованій, съ другой—въ парламентахъ и безмѣрной горячности нововводителей, которые вмѣсто того, чтобы поправлять дѣло, могли все разстроить. Наконецъ государыня, хотя и удивленная слабостію нашего кабинета, чувствовала, что это временное разстройство, которая не можетъ быть продолжительно» (ibid. 277). Но спустя еще нѣсколько времени Екатерина уже говорила Сегюру: «я боюсь, что короля принудить къ большимъ жертвамъ, а страсти все-таки не утихнутъ» (ibid. 371). Наконецъ, отпуская Сегюра въ Францію въ октябрѣ 1789 г., императрица говорила: «лучше бы вы остались со мною, чѣмъ подвергаться опасностямъ, которыя примутъ, можетъ быть, размѣры, какихъ вы и не ожидаете. Ваше расположеніе къ новой философіи и къ свободѣ заставитъ васъ держать сторону народа; это будетъ мнѣ досадно, потому что я останусь аристократкой; это ужъ мой долгъ; подумайте-ка; вы найдете Францію больную, въ лихорадкѣ» (ibid. 384).

Еще удобнѣе можемъ слѣдить за перемѣною мыслей Екатерины по *запискамъ Храповицкаго*, бывшаго статсъ-секретаремъ при императрицѣ.

27 июля 1789. Приѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что какъ скоро свѣдали въ Парижѣ о перемѣнѣ министровъ, а особливо Неккера, то народъ взволновался, взялъ подозрѣніе на королеву, разбилъ Бастилію... Король приходилъ въ собраніе депутатовъ и проч.

29 июля. Разговоръ Ея Величества о происшествіи въ Парижѣ: «къ чему король? имъ управляетъ кто хочетъ, сперва Бретель, партія королевской, потомъ Конде принцъ и графъ д'Артуа, и наконецъ Ла-Файетъ уговорили его идти въ собраніе депутатовъ». (Памятн. зап. Храповицкаго. М. 1862. стр. 200).

10 августа. Разговоръ о Франціи: «со вступленія на престолъ я всегда думала, что ферментаціи (т. е. броженію) тамъ должно быть; нынѣ не умѣли пользоваться расположеніемъ умовъ; Фаета, какъ честолюбиваго, взяла бы къ себѣ и сдѣлала бы своимъ защитникомъ! Замѣть, что дѣлала здѣсь съ востества?» (ibid. 202).

16 сент. Сказывали, что по случаю разсужденія въ государственномъ собраніи о королевскомъ veto, хотѣли короля и дофина взять въ Лувръ, а короля посадить въ Сен-Сиръ, но все успокоилъ Ла-Файетъ. Я.—Это совершенная анархія. «Да! они способны своего короля повѣсить на фонарномъ столбѣ; это ужасно» (ibid. 206)!

25 сент. О королѣ французскомъ: «по моему, ему лучше бы оставить Версаль и затвориться въ Мецѣ. Тутъ бы дворянство къ нему пристало». Я сказалъ вчера гр. Сегюру (прибавляетъ Храповицкій, конечно высказывая мысли императрицы), что Генрихъ IV называлъ себя первымъ дворяниномъ, и что Людовикъ XIV въ трудныя минуты говорилъ, что онъ станетъ во главѣ знати. И какъ можно сапожникамъ править дѣлами? Сапожникъ умѣетъ только дѣлать обувь.

26 сент. Изволила миѣ читать вчера приписку къ Гримму о вчерашнихъ словахъ Генриха IV и Людовика XIV, которые считали себя непобѣдимыми во главѣ знати. «Кажется я читаю въ настоящемъ исторію лиги».

29. сент. А. А. Нарышкинъ сказалъ при туалетѣ о нововышедшихъ книгахъ: *частная жизнь Антуанетты французской и исторія Бастилли*. «Это книжовки, которыхъ я никогда не терплю» (ibid. 207).

1790 г. 26 іюля. Повелѣніе къ Симолину (русскому посланнику въ Парижѣ), чтобъ въ Парижѣ всѣмъ русскимъ объявилъ приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи въ отечество. Тамъ сынъ гр. А. С. Строганова съ учителемъ своимъ вошли въ члены клуба Жакобиновъ а propaganda libertate (ibid. 230).

1791 г. 29 іюня. Ея величество сказывать изволила, что франц. король въ препровожденіи 8,000 дворянъ съ королевою и всею фамилією 9/20 іюня выѣхалъ изъ Парижа и достигъ mont Denis, должно быть Montmedy. Но въ вечеру узнали, что король 8000 съ собою не имѣлъ, ѣхалъ перодѣтый подѣ чужимъ именемъ и на пути опозналъ ихъ станціонный смотритель въ Сенъ-Менегулѣ и со станціи, ближайшей къ Вареннѣ, горожане и національная гвардія ихъ поворотили въ Парижъ.

30 іюня. Списывалъ копію съ письма къ принцу де-Линь, гдѣ, упоминая объ исторіи короля французскаго, писано: «миѣ пришлось порадоваться только одну минуту... Французскіе дворяне любезны, но между ними нѣтъ такого, кого бы я могла назвать дѣятельнымъ гражданиномъ».

4 іюля. Король французскій дѣйствительно пойманъ; у королевы найденъ паспортъ М-ме Корфѣ, урожденной Штегельманъ; это дочь бывшаго здѣсь банкира; она жила и въ Парижѣ (ibid. 244).

13 авг. Ея величество скрывала мнѣ, что въ Пруссіи всѣ готовы къ возмущенію и хотятъ подражать французамъ.

16 авг. Взято секретно на 500 т. векселей на предъявителя для употребленія по дѣламъ французскимъ.

14 сент. Списывалъ копію съ письма ея величества къ принцу Нассау... Обнадеживанье въ помощи отъ ея величества. Но съ тѣмъ, чтобы принцъ и король съ фамилією были согласны, имѣли основательныя правила и въ дѣлѣ не плошали. Спрошенъ: «каково письмо»?—сильно.—«Имъ надобно вложить душу въ брюхо».

15 сент. Списывалъ еще копію съ письма къ графу д'Артуа: тоже подтвержденіе о согласіи и единодушіи—нужно геройство—примѣръ Генриха IV, который меньше имѣлъ выгодъ, но успѣлъ приобрести Францію, какъ Вольтеръ говоритъ: по праву рожденія и по праву завоеванія. Ея величество сказать изволила мнѣ, что это письмо заслуживаетъ быть напечатаннымъ (ibid. 250).

24 сент. Вчера пріѣхалъ курьеръ изъ Парижа, что король, вошедъ въ собраніе національное, подписалъ конституцію. «Можно ли помогать такому королю, который самъ своей пользы не понимаетъ»... Примѣтно неудовольствіе (ibid. 251).

1792 г. 9 апр. Данъ секретный указъ здѣшнему губернатору, чтобы искать француза, проѣхавшаго чрезъ Кенигсбергъ 22 марта съ злымъ умысломъ на здоровье ея величества. Взяты предосторожности на границѣ и въ городѣ (ibid. 264).

24 апр. Шутили на счетъ французской республики, и, показавъ мнѣ въ окно на идущихъ солдатъ: «они не имѣютъ патріотическихъ пикъ». Я примолвилъ: «ни красныхъ шапокъ» (ibid. 265).

21 авг. Получено извѣстіе о новомъ въ Парижѣ смятеніи, случившемся 30 іюля (10 авг.) Король лишень своего сана,—въ Тюльери было провозпролитіе и король съ фамиліей пришли и остались въ народномъ собраніи. Еще не назначено, гдѣ будутъ содержать короля. Ея величество, говоря объ этомъ со мною, сказала: «это ужасно!» (ibid. 272).

28 авг. Изъ франц. извѣстій, сегодня полученныхъ, замѣчательно, что статуя Людовика XIV поставлена 10 авг. 1692, низвергнута и разрушена 10 авг. 1792 н. ст. Не уцѣлѣла статуя и добраго Генриха IV; въ тотъ же день ее разрушили. Нышѣшняго короля съ фамиліею, пока кончатъ его процессъ, будутъ содержать au Temple de la tour de banqueroutiers (ibid. 273).

1793. января 7. Сказывать изволила, что французы намъ объявили войну. (ibid. 280).

Гена. 31. По утру дошло къ ея величеству извѣстіе, что несчастный Людовикъ XVI былъ обезглавленъ 10 (21) января 1793. Наложень трауръ на шесть педѣль.—Замѣчательно стеченіе чиселъ съ 10 генв. 1775 г. былъ казнень Пугачевъ.

Февр. 2. Съ полученія извѣстія о злодѣйскомъ умерщвленіи короля французскаго, ея величество слегла въ постель, и больна и печальна; сегодня, благодаря Богу, лучше... Ея величество говорила со мной о варварствѣ французовъ и о явной несправедливости въ утайкѣ голосовъ при сужденіи: «это вопіющая несправедливость даже по отношенію къ частному человѣку». Когда узнали сіе въ Лондонѣ во время спектакля и актеръ объявлялъ о томъ публикѣ во время спектакля между большой и малой піэсы, то всѣ зрители не вѣрили продолжать и разошлись. Англія расположена разорить Францію: «нужно окончательно истребить даже имя французовъ». Былъ оборотъ къ собственному ея правленію съ вопросомъ у меня о соблюденіи правъ каждаго.—Я отвѣ-

чалъ, что не только ничего ни у кого не отнято при новыхъ установленіяхъ, для пользы государства нужныхъ, но и права и привилегіи намъ пожалованы и утверждены ея величествомъ.

Февр. 5. Продолженіе разговора о французскомъ варварствѣ. Въ Вѣнѣ народъ хотѣлъ побить всѣхъ французовъ, и намѣренъ сіе исполнить, буде коснутся королевы, дочери покойной импер. Маріи Терезіи. «Равенство—это чудовище, которое хочетъ быть царемъ» (ibid. 281—282).

8 февр. Подписанъ указъ сенату о разрывѣ политической связи съ Франціею и о высылкѣ изъ Россіи разныхъ обоюга пола французовъ, которые не сдѣлають присяги по сдѣланному при указѣ образцу (ibid. 282).

Сумароковъ (въ оboзрѣніи царств. импер. Екатерины III, 137) такъ описываетъ распоряженія русскаго правительства по полученіи извѣстія объ умерщвленіи Людовика. «Екатерина, узнавъ объ умерщвленіи Людовика, прервала сообщенія съ Франціею; выслала посла ея изъ столицы, консуловъ изъ приморскихъ городовъ, воспретила торговлю, впускать оттуда газеты и періодическія сочиненія и повелѣла сдѣлать разборъ обитающихъ въ Россіи французамъ. Въ католической церкви соорудили богатый алтарь, на немъ стояла гробница, у подножія которой желающіе изъ французовъ присягнули не признавать настоящаго правленія законнымъ, почитать казнъ короля злодѣйствомъ, сохранять свято христіанскую вѣру, повиноваться наслѣдовавшему Людовику XVII, и не имѣть никакихъ сношеній съ одноземцами, а не присягнувшимъ велѣно выѣхать изъ предѣловъ имперіи».

Подъ вліяніемъ опасеній, внушаемыхъ франц. революціею, составлено приписываемое Екатеринѣ завѣщаніе наслѣднику русскаго престола Павлу Петровичу. Это завѣщаніе (подъ заглавіемъ: *добрый и послѣдній советъ Екатерины II Павлу I-му, найденный въ бумагахъ государыни послѣ ея*

смерти) напечатанъ первоначально въ книгѣ: Histoire de la Russie, reduite aux seuls faits importants. (Devise;—multa paucis) 'A Londres et à Paris chez Buisson. L'anx (1802) in 8/^o. 390 pag. Мы не вѣримъ подлинности этого завѣщанія во 1-хъ потому, что Екатерина II-я, какъ извѣстно, скончалась скоропостижно, тогда какъ надѣялась прожить еще по крайней мѣрѣ лѣтъ 20, слѣд. могла рассчитывать сама выполнить тѣ мѣры, которыя излагаются въ завѣщаніи.

2) Извѣстно, что отношенія между императрицею Екатериною и ея сыномъ Павломъ Петровичемъ были очень натянуты и дурны. Сынъ систематически охуждалъ все, что предпринимала мать. Екатерина знала это, и могла ли она ожидать, что Павелъ Петровичъ, осуждавшій ея виѣшнюю и внутреннюю политику при жизни, сдѣлается внимателенъ къ ея наставленіямъ послѣ ея смерти.

3) Извѣстно также, что императрица думала отстранить отъ наслѣдства престола Павла Петровича и передать скипетръ непосредственно внуку своему Александру Павловичу. Могла ли она, имѣя это въ виду, адресовать свои посмертныя наставленія Павлу Петровичу? Тѣмъ не менѣе *завѣщаніе Екатерины* любопытно, потому что показываетъ, какъ понимали въ Европѣ образъ мыслей великой монархини. Если подложное завѣщаніе Петра I го дѣлало въ свое время много шума и отчасти опредѣляло отношенія къ Россіи другихъ европейскихъ державъ, и такимъ образомъ не смотря на свою подложность, было многозначительнымъ историческимъ фактомъ, то тѣмъ болѣе можно сказать это о завѣщаніи импер. Екатерины. Оно болѣе правдоподобно, чѣмъ завѣщаніе Петра I-го, болѣе соображено съ духомъ монархини и съ современными обстоятельствами. Вообще о немъ можно сказать словами итальянской пословицы: *если оно не подлинно, по крайней мѣрѣ хорошо выдуманно*. Предлагаемъ выдержки изъ этого завѣщанія имп. Ека-

терины, которое мы читали въ плохомъ переводѣ съ французскаго, находящемся въ рукописи кievo-софійской библіотеки № 591.

Достойнѣйшій, почтеннѣйшій и любезнѣйшій сынъ мой! Родительница твоя всероссійская императрица не будетъ уже въ живыхъ, когда ты будешь читать это писаніе. Моя послѣдняя воля состоятъ въ томъ, чтобы оно было доставлено тебѣ тотчасъ послѣ моей кончины. Оставляю тебѣ пространнѣйшее и самое знаменитое въ Европѣ наслѣдство. Кровь моя, текущая въ жилахъ твоихъ, должна бы весьма ободрять меня; но нѣжная заботливость о народѣ, вѣренномъ мнѣ, и отвѣтственность предъ Всевышнимъ заставляютъ вручить тебѣ эти благіе совѣты, плоды долговременной и счастливой опытности. Я царствовала, могу сказать, со славою и правосудіемъ, и упою въ могилу увѣренность, что доставила подданнымъ своимъ благоденствіе и свободу, насколько это было возможно безъ вреда имъ и себѣ.

Я обязана дать тебѣ совѣтъ какъ мать, какъ государыня, а всего болѣе какъ современница великой революціи, которая можетъ достигнуть и до насъ, если не положить предѣловъ ея распространенію. Наука царствовать становится часъ отъ часу труднѣе. Никогда царствіе не бывало не подвергался такой опасности, какъ теперь. Отъ своего вѣнца я умѣла устранять всѣ опасности. Научись отъ меня наукѣ заклинять народныя бури. Предваряй ихъ, производя войну далеко отъ предѣловъ своихъ, и пока войска твои будутъ побѣдоносны, всѣ будутъ покорны тебѣ. Въ бесѣдахъ съ учеными людьми, приближенными мною ко двору, я много почерпнула хорошихъ совѣтовъ. Я узнала отъ моихъ мудрецовъ, что Египетъ въ самое цвѣтущее время свое запрещалъ чужеземцамъ входить въ предѣлы свои, и отчасти за это приобрѣлъ названіе мудраго. Поступай также; какъ добрый

отецъ семейства, оберегай свою семью отъ всего вреднаго; не допускай безъ своего вѣдома ни одной книги, ни газеты, ни карриатуръ. Народъ долженъ мыслить, какъ и государь его. Ты долженъ вводить въ среду народа настолько просвѣщенія, насколько это не будетъ вредить ни тебѣ ни имъ. Вообще раннее просвѣщеніе отнимаетъ покой и у государя и у народа. Женевскій философъ, одинъ изъ философовъ моего вѣка оставшійся нечувствительнымъ къ моимъ благодѣяніямъ, развѣ не доказалъ въ своемъ прекрасномъ разсужденіи, какъ успѣхи въ наукахъ могутъ быть вредны развитію нравственности? Жанъ-Жакъ правъ. Послѣдовавшія произшествія слѣпкомъ ясно доказали безошибочность его мнѣнія. Съ умствующимъ народомъ невозможно поступать по своему желанію. Если бы мои подданные не были суевѣрно благоговѣйны къ св. Николаю, и преданны моему особѣ, то они не заставили бы поблѣднѣть луну, и не освободили бы меня отъ польской Рѣчи Посполитой. Совѣтую тебѣ на каждой таможенѣ учредить строгую цензуру книгъ, привозимыхъ изъ-за границы. Я могу указать на книгу, которая одному государству надѣлала больше зла, чѣмъ проигранное сраженіе или потеря области. Я знаю ученыхъ, я окружила себя ими, чтобы ближе рассмотреть ихъ. Опасайся, чтобы они не составили государства въ государствѣ. Злополучный Людовикъ XVI царствовалъ бы до сихъ поръ, если бы, во время созванія главныхъ чиновъ Франціи, этотъ слабый и несчастный государь не сдѣлалъ неблагоразумнаго поступка, пожелавъ узнать отъ ученыхъ и газетчиковъ мнѣнія о бѣдственномъ положеніи своихъ финансовъ. Сынъ мой! я распространяюсь объ этомъ предметѣ потому, что считаю его очень важнымъ, и можетъ быть снова возвращусь къ нему. Овладей общественнымъ мнѣніемъ, умѣй управлять имъ, и пока оно будетъ на твоей сторонѣ, ты можешь дѣлать чудеса. Кромѣ того подчини его

религія, пусть религія и мысль будутъ нераздѣльны, и пусть эта послѣдняя будетъ всегда въ зависимости отъ цензуры и духовенства. Есть событія, о которыхъ народу не слѣдуетъ и подозрѣвать. Допускай въ государствѣ только однѣ газеты и не питай слишкомъ народное любопытство.—Удаляй отъ народа всѣ извѣстія о переворотахъ, которыя причинили бѣдствія процвѣтавшимъ странамъ. Устрай отъ нихъ всѣ худыя примѣры народа, бывшаго прежде такъ образованнымъ, покорнымъ, любящимъ. Горь тебѣ, сынъ мой, если твои подданные узнаютъ, что можно, не страшась наказанія, нарушить почтеніе и повиновеніе государю. Если же подданные, не смотря на твою осторожность, узнаютъ о этихъ соблазнительныхъ и плачевныхъ явленіяхъ, то постарайся представить въ самомъ гнусномъ видѣ честолюбивыхъ демагоговъ, которые тяготея законами, всѣхъ политическихъ преобразователей, которые, изъ-за своего тщеславія причиняютъ столько бѣдствій народу. Читай самъ, въ часы досуга, тѣ славныя философскія разсужденія, которыя могутъ возмутить слабыя умы, и внушить горячимъ головамъ любовь къ независимости. Заклучи науки для твоихъ подданныхъ въ предѣлахъ домашнихъ правоученій. Пускай въ царствѣ твоёмъ проповѣдуются общественныя и семейныя добродѣтели. Не давай народу времени для размышленія. Онъ не созданъ для этого. Онъ не долженъ умствовать. Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ управлять народомъ, который требуетъ во всемъ отчета. Онъ долженъ трудиться и молчать!

Перо ученаго приносятъ больше зла правительству, нежели война. Сониди въ Сибирь перваго писателя, вздуманнаго казаться государственнымъ человѣкомъ. Покровительствуй поэтамъ, трагическимъ писателямъ, романистамъ, даже исторіографамъ временъ давно-минувшихъ. Отличай геометровъ, естествоиспытателей. Но гонь всѣхъ тѣхъ мечтателей,

всѣхъ созидателей платоническихъ республикъ, кои святотатственною рукою прикасаются къ государственной политикѣ. Я позволила *Дидероту* говорить мнѣ откровенно; но я запретила бы ему въ моихъ владѣніяхъ объявлять печатно смѣлыя истины, которыя онъ сообщалъ мнѣ, треща меня по колѣну своею рукою въ философическомъ своемъ изступленіи. Впрочемъ на нѣкоторое время мнѣ нужны были сего рода люди; они были первымъ отголоскомъ моей славы; за нѣкоторые благотворенія я приобрѣла отъ нихъ самыя пышныя наименованія. Они провозглашали меня сѣверною Семирамидою и мой образъ дѣйствій, думаю, не противорѣчитъ ихъ похваламъ. Всѣ сіи трубы славы придали новый блескъ моему престолу, а этого-то я лишь и желала. Мнѣ нужно было прикрыть нѣкоторыя слабости. Сынъ мой! великій соблазнъ совершенъ въ Евронѣ. Я надѣюсь, что русскій орелъ, храня вѣру къ своимъ предначертаніямъ, распростретъ тяжкія крылья свои, дабы удариться на сію виновную страну, въ коей царская кровь пролита отъ руки народа. Пусть твои войска неустоимо совершаютъ сей дальній походъ пока не падетъ сія раждающаяся республика и ослабѣвающая на самой зарѣ своей. Оставь ей свершить всѣ злодѣянія въ нѣдрѣ своемъ и виѣ предѣловъ своихъ. Когда она будетъ наводнена непріятелями, расхищена, опустошена своими сосѣдами, когда она содѣлается предметомъ проклятій ихъ, когда, обнищавъ отъ торжествъ своихъ, истощився отъ побѣдъ своихъ, содѣлавшись добычею безначалія, она не будетъ умѣть управлять ни собою, ни другими, Сынъ мой! тогда ударилъ часъ пасть на нас. Вручи побѣдителю Варшавы перуны отмщенія за права престола. Да не обрѣцетъ въ тебѣ сей новый Велизарій другаго Юстиніана, и симъ путемъ предохранишь царствіе твое отъ демагогической заразы; ты наполнишь Европу твоими воинами и твоею славою; а чрезъ то у себя сдѣла-

ешься еще самодержавіе, къ чему ты долженъ паче всего стремиться. Надобно признаться, сынъ мой, что родъ человѣческій, котораго однако мы составляемъ часть, очень подтъ и весьма заслуживаетъ тѣ бѣдствія, коими угнетаются его. Кто могъ бы подумать, чтобы французскій народъ, столь умный, пришелъ до той степени безчувствія и самонебреженія, чтобы преклониться подъ грязное и кровавое иго, столкратно тягчайшее того, которое онъ носилъ столько вѣковъ. Впрочемъ этотъ ужасный переворотъ рано или поздно долженъ обратиться въ славу и въ пользу древнихъ правленій.

Всѣ сіи пустоголовые платоны способны къ начертанію красивой политической теоріи; но благодареніе Божію Промыслу, хотящему покоя міру, они на самомъ дѣлѣ не болѣе, какъ дѣти. Сіе самое я говорила Дидероту гораздо прежде моего великаго и бѣдственнаго опыта. По счастью всѣ сіи корниены въ демагогіи имѣютъ мало дарованій и много тщеславія. Они вовсе не знаютъ искусства удержать къ себѣ уваженіе, напротивъ только заставляютъ гнущаться своимъ новымъ правленіемъ столь совершенно, что законные правители могли бы, можетъ быть, должны были бы предоставить ихъ собственнымъ средствамъ. Мы увидѣли бы вскорѣ, что всѣ народы на мигъ прельщенные, оцувствовавшись отъ перваго своего упоенія, притекли бы къ намъ, держа бы въ рукахъ головы своихъ наглыхъ правителей и повергнувъ къ нашимъ ногамъ, умоляли бы насъ возвратить имъ легкое и спасительное иго, которое носили они столь долго безъ всякаго ропота».

Довольно выдержекъ изъ завіщанія Екатерины подложнаго или по крайней мѣрѣ сомнительнаго. Обратимся къ несомнѣннымъ источникамъ, свидѣтельствующимъ о реакціи противъ моднаго философствованія, происшедшей въ образѣ мыслей великой монархини.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы царствованія импер. Екатерины самымъ любимымъ вельможею ея былъ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Онъ завѣдывалъ важнѣйшими государственными дѣлами; ему повѣряла императрица свой взглядъ на современное положеніе европейскихъ дѣлъ; въ его образѣ мыслей мы можемъ видѣть концо съ образа мыслей великой монархини. Каковы же были взгляды кн. П. А. Зубова? Они высказаны имъ въ запискѣ, составленной въ 1802 г. и поданной импер. Александру I-му въ 1813 г. Вотъ извлеченіе изъ ея начала:

«Орудія, служація для разрушенія, необыкновенно просты въ природѣ: черви всеразрушающіе—самыя простыя орудія; философовъ можно назвать червями общественнаго тѣла, и эти-то философы повидимому имѣютъ исключительное право на свободу и знаніе; они чествовали или позорили по своему выбору; вписывали или исключали кого либо изъ своихъ списковъ великихъ людей всѣхъ вѣковъ, смотря по тому, находили ли они расположенныхъ въ ихъ пользу или противящихся ихъ планамъ; они подчиняли себѣ, заохочивали и угнетали самолюбіе общества, администраторовъ, придворныхъ, королей, съ такимъ искусствомъ, что необходимо должно было становиться подъ ихъ знамя, если хотѣли стоять за дѣло разума. Памятна безумная радость философовъ при видѣ успѣха ихъ книгъ, множества сдѣланныхъ имъ уступокъ и единодушномъ ихъ предпочтеніи. Они были ослѣплены до таковой степени, что возмечтали, будто по ихъ голосу народы придутъ въ движеніе подобно камнямъ Оивъ, откликнувшимся на зовъ Амеіона; философы жили только рукоплесканіями; отъ нихъ зависѣлъ (по ихъ мнѣнію) еще существовавшій полный порядокъ, и изъ всѣхъ рядовъ общества исходило имъ одобреніе.

Когда на театрахъ представляютъ хаосъ, ложи гремятъ рукоплесканіями, но авторъ по своему успѣху еще не приходитъ къ заключенію, что необходимо, какъ можно скорѣе, внести въ общество безпорядокъ, смерть и уничтоженіе. И между тѣмъ именно это пытались сдѣлать и исполнили философы. Въмѣсто того, чтобы предоставить мечтаніямъ исчезать въ пространствѣ, они сказали: «въ нашихъ рукахъ могущество, и потому осуществимъ мечту: начнемъ строить между могилами отцовъ и колыбелами дѣтей; возложимъ наши надежды на будущія поколѣнія; отдадимъ любовь нашу грядущему и вѣнзѣльному, а наше покровительство всей вселенной; нашу ненависть и проклятіе—современникамъ и землѣ, нами попираемой! Лучше пусть погибнутъ наши колоніи, пусть погибнетъ свѣтъ, чѣмъ одно изъ нашихъ началъ! Война замкамъ, т. е. золоту; миръ хижинамъ, т. е. забвенію». Вотъ слова философовъ, вотъ духъ, сердце, доктрины и оракулы этихъ друзей человѣчества! Эти лицемерные опекуны полюбилъ бѣдныхъ и негровъ всею силою своей ненависти къ бѣлымъ и богатымъ; всесвѣтные законодатели посмѣялись правамъ собственности, тревогамъ нравственности, прескорбю религіи и крикамъ человѣчества!... И сколько нанесли они этому печальному человѣчеству такихъ ударовъ, которые отзовутся только въ потомствѣ? Но смѣхъ философовъ не былъ продолжителемъ; порожденная ими же послѣдствія собственныхъ дѣлъ и правилъ раздавили ихъ... «Увы!—воскликнулъ одинъ изъ нихъ Кондорестъ, нанося себѣ смертельный ударъ,—мы нашли лабиринтъ на днѣ бездны»; другіе погибли на эшафотахъ, и ихъ прахъ былъ смоченъ слезами и кровью миллионовъ жертвъ; нѣкоторые, и можетъ быть самые несчастные, прогуливаютъ по Европѣ свою печаль безъ угрызенія совѣсти (потому что каждый фанатикъ живетъ и умираетъ безъ угрызенія совѣсти); они желаютъ новыхъ жертвъ

или какихъ нибудь новыхъ странъ для возрожденія, не постигая страшной ошибки своихъ послѣдователей. «Какъ,—восклицаютъ они,—неужели наши ученики и послѣдователи могли сдѣлаться нашими палачами?»

Имъ отвѣтилъ человѣкъ, обрисовавшій этихъ людей наилучшимъ образомъ: «Демоны и адъ: вы строили мостъ черезъ бездну хаоса въ царствѣ безначалія, но когда вамъ самимъ пришлось перейти по мосту, чудовища заслонили вамъ входъ; испуганные ихъ появленіемъ вы отступили, и чудовища сказали вамъ: «для чего отступать; вы отцы наши!»

Безъ сомнѣнія грустно, что подобные образы не болѣе, какъ блѣдныя копія того, что видитъ и испытываетъ свѣтъ; и я не могу удержаться здѣсь отъ замѣчанія, что Руссо, Гельвеціусы, Дидероты, Даламберы и Вольтеры умерли весьма кстати. Оставивъ насъ наканунѣ нашихъ несчастій, они унесли съ собою одобреніе современниковъ и не пострадали отъ ими же приготовленной революціи,—имъ не пришлось краснѣть отъ почестей конвента. Если бы они еще жили,—ихъ проклинали бы люди, хвалившіе прежде; ихъ бы умертвили тѣ, кто теперь боготворить.

Всѣ софизмы философовъ можно привести къ одному: они хотятъ чудеса внезапнаго просвѣщенія всѣхъ умовъ и внезапнаго распространенія знаній у всѣхъ народовъ. Мы,—говорятъ они,—совершенно уничтожимъ торговлю—національныя различія; филантропіею—границы политическія; революціею—раздѣленіе на классы и всѣ общественныя условія; свободу правленія и невѣріемъ—всѣ религіи.... Философія, вмѣсто скиптра, держитъ факель, и всѣ гражданскія семьи человѣческаго рода пойдутъ за ея свѣтомъ.

Но сама вѣчная природа вещей не подчиняется этимъ обширнымъ притязаніямъ

Философія, какъ произведеніе долгаго размысленія и послѣдствія цѣлой жизни, не должна и не можетъ быть предоставляема цѣлой массѣ народа, всегда находящагося при началѣ жизни. Напримѣръ, крестьяне должны удовлетворять первымъ потребностямъ общественнаго тѣла; если съ нашимъ просвѣщеніемъ мы будемъ имѣть ихъ тягости, а они съ своими тягостями наше просвѣщеніе—то они не захотятъ болѣе работать, а мы не захотимъ жить. Наконецъ для народа всегда останутся семь дней въ недѣлѣ—шесть для труда; одинъ для отдыха и религіи; и ни одного для философіи.»

Въ этихъ строкахъ, писанныхъ рукою приближеннѣйшаго къ Екатеринѣ вельможи, мы не можемъ не замѣтить глубокаго разочарованія въ модной философіи, овладѣвшаго императрицею въ послѣдніе годы ея царствованія. «Это не бунтъ, это Богъ знаетъ что такое», сказала императрица, напуганная ужасами франц. революціи, «отложимъ нами высокоумныя наши книги и примемся лучше за букварь». Вотъ основная мысль, которая подробно развита въ предложенномъ выше извлеченіи изъ записки князя Зубова. Мрачное и разочарованное настроеніе духа императрицы выразилось во внутреннемъ управленіи подозрительностію, усиленіемъ полицейской власти и стѣсненіемъ свободы печатнаго слова, чертами управленія, которыя были прежде такъ чужды великой монархіи.

Мы знаемъ четыре факта въ этомъ родѣ за послѣдніе годы царствованія импер. Екатерины: 1) масонское дѣло, 2) дѣло о Радищевѣ, 3) о Державинѣ, 4) о Княжичѣ. Эти факты довольно уже извѣстны въ нашей литературѣ, и потому постараемся изложить ихъ съ возможною краткостію.

1) Масонство, какъ извѣстно, не имѣло ничего общаго съ модною философіею; напротивъ того главная цѣль масон-

скихъ братствъ состояла въ противодѣйстви экциклопедизму. Императрица сама очень хорошо понимала различіе обоихъ направленій и въ прежнее время примыкая къ энциклопедизму дѣйствовала противъ масоновъ литературнымъ орудіемъ насмѣлки. Тѣмъ не менѣе, когда разыгралась французская революція, самый тяжкій ударъ императрицыной подозрительности упалъ на московское общество масоновъ. Главный изъ московскихъ масоновъ, Н. И. Новиковъ, былъ арестованъ и заключенъ въ шлиссельбургской крѣпости; имѣніе его конфисковано, мистическія книги сожжены. Главные товарищи Новикова подверглись допросу: двое изъ нихъ (И. П. Тургеневъ и кн. В. Н. Трубецкой) сосланы на жительство въ деревни, а третій (Лопухинъ) оставленъ въ Москвѣ ради дряхлаго и большаго отца своего. Чѣмъ объяснить гнѣвъ императрицы на московскихъ масоновъ, не причастныхъ ни вольнодумству, ни революціи? Можно сказать, что зрѣлище того хаоса, какой представляла собою революція, затуманило даже зоркій взглядъ импер. Екатерины. Она видѣла только вѣдніе бурныхъ страстей, видѣла, что происходитъ *«Богъ знаетъ что такое»*, и уже не различала ясно связи революціи съ предыдущею исторіею XVIII вѣка. Масонство, какъ тайное общество, уже въ силу этого, было для импер. Екатерины подозрительно. «Если общество имѣетъ добрыя цѣли, то къ чему ему быть тайнымъ,—къ чему скрываться?» рассуждала импер. Екатерина. «Правительство не мѣшаетъ добрымъ дѣламъ, которыя и сами по себѣ не любятъ мрака». Подозрительно для императрицы казалось и то, то масоны бесплатно раздавали свои книги и во время голода 1787 г. раздавали хлѣбъ бѣднымъ въ огромномъ количествѣ, въ размѣрахъ, превышающихъ средства обыкновенной частной благотворительности. «Съ какою цѣлью они это дѣлаютъ? и на какія суммы?» невольно спрашивала себя императрица. Подозрительно для импера-

трицы казалось и то, что масоны хотѣли завлечь въ свое общество послѣдника престола вел. кн. Павла Петровича, бывшаго не въ ладахъ съ матерью, и что русскіе масоны вели переписку съ иностранными, не соображаясь съ политическими отношеніями русскаго правительства. Много усилилъ подозрительность императрицы тогдашній московскій губернаторъ, кн. Прозоровскій, относительно котораго кн. Потемкинъ при назначеніи его на эту должность писалъ императрицѣ: «ваше имп. величество изволили выдвинуть изъ своего арсенала самую старую пушку; боюсь только, какъ бы она не запятнала кровью въ потомствѣ вашего имени».

2) Дѣло о Радищевѣ менѣе носитъ характеръ недоразумѣнія, хотя и въ немъ много напраснаго шума. Иѣкто Радищевъ, образованный человѣкъ, пропитанный социальными взглядами философовъ XVIII в., написалъ *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, въ которомъ поставилъ задачею рассмотреть русскую социальную жизнь съ точки зрѣнія модной философіи. На каждой станціи авторъ видитъ печальныя картины русской жизни; тамъ видитъ онъ звѣрство крѣпостнаго права, продажу брестыянскихъ семей въ розницу, какъ скота; въ другомъ мѣстѣ—общій плачъ по случаю рекрутскаго набора, всюду замѣчаетъ, что простой русскій народъ находится на крайней ступени человѣческаго бѣдствія. Вотъ для образчика выдержка изъ книги Радищева.—«Вообрази себѣ, говорилъ нѣкогда мнѣ мой другъ, что коее, налитый въ твоей чашкѣ, и сахаръ, распущенный въ оной, лишили покоя подобнаго тебѣ человѣка, были причиною превосходящихъ силы его трудовъ, причиною его слезъ, стечаній, казней и поруганій; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою! Видъ прещенія, сопутствовавшій сему изреченію, поколебалъ меня до внутренности духа. Рука моя задрожала, и коее пролился. А вы, о жители Петербурга, питающіеся отъ избытка обильныхъ

красѣ отечества вашего, когда при великолѣпныхъ пиршествахъ или на дружескомъ пиру, или наединѣ рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитесь и помыслите, не то же ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говоритъ мнѣ о произведеніяхъ Америки; не потомъ ли, не слезами, не степеніемъ ли утучнились нивы, на которыхъ онъ выросъ? Блаженны, если кусокъ хлѣба, вами сѣдаемый, извлечетъ изъ классовъ, родившихся на нивѣ, оброкъ помѣщику своему платящей. Но горе вамъ, если растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почивли скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалось проклятiе Всевышняго, когда Онъ во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклѣта земля въ дѣлѣхъ своихъ. Блюдитесь, да не отравлены будете возделѣнною вамъ пищею. Горькая слеза ничего тяжко на ней возлегаетъ. Отриньте ее отъ устъ вашихъ. Поститесь; се истинное и полезное можетъ быть пощеніе! *Habent sua fata libelli!* Если бы книга Радищева явилась годами 20-ю раньше, въ первое время царствованія импер. Екатерины, когда императрица была глубоко проникнута филантропическими идеями и мечтала объ уничтоженіи крѣпостнаго права,—нѣтъ сомнѣнія, Радищевъ тогда заслужилъ бы высочайшее благоволеніе, на что авторъ отчасти и рассчитывалъ.

Но книга явилась въ смутное время, когда правительство было встревожено и запутано. Едва разошлось нѣсколько экземпляровъ книги Радищева, какъ она возбудила подозрѣніе и была представлена государынѣ. Ничего новаго не могла вычитать императрица изъ этой книги: въ ней были все тѣ же давно извѣстныя филантропическіе, черезъ-чуръ радикальные принципы модной философіи, съ точки зрѣнія которыхъ представлялся такъ дурень старый русскій порядокъ. Но не по времени были эти напоминанія! Они звучали для Екатерины

упрекомъ или въ прежнемъ заблужденіи, или въ теперешней непослѣдовательности. Императрица исписала поля книги ѣдкими замѣчаніями, въ которыхъ указывала на сходство мыслей книги съ *французскимъ нынѣшнимъ развратнымъ примѣромъ*, и отозвалась, что авторъ бунтовщикъ хуже Пугачева и хочетъ вооружить низшія сословія противъ высшихъ. Тщетно Радищевъ утверждалъ, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія бунтовать мужиковъ, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что мужики книгъ не читаютъ, тщетно приносишь раскаяніе въ своихъ умышленіяхъ, называя ихъ мерзкими и нечѣстными; императрица, обыкновенно такъ склонная къ милости и прощенію, оказалась на этотъ разъ строга и неумолима. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, и Державинъ проводилъ его слѣдующими стихами:

Бѣда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не встаетъ лишь смѣла, дерзка и сумасбродна.
Я слышу на коней кричить ямщики: *виры! виры!*
Знать русский Мирабо поѣхалъ ты въ Сибирь.

3) Третій случай, ознаменовавшій собою эпоху реакціи на Руси, касается самого Державина. Державинъ написалъ пѣсню о переложеніи псалма 81-го.

Возсталъ Всевышній Богъ на стужу...
Земныхъ боговъ во сонѣ ихъ.
Доколѣ, режь, доколѣ пашь будетъ
Щадѣть неправедныхъ и злыхъ.
Вашъ долгъ есть сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирая,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять...
Вашъ долгъ—спасать отъ бѣды невинныхъ,
Несчастнымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.
Не внемлютъ! видятъ и не знаютъ!
Покрѣпы ждою очеса:

Злодѣйства землю потрясають,
Неправда зыблетъ небеса.
Царя, я мнилъ въ боги властны,
Никто надъ вами не судья.
Но вы, какъ я, подобно страстны
И также смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ дровъ увядшій листь падеть,
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдшій рабъ умретъ.
Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
И ихъ коленю внемли.
Прійди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!

Это стихотвореніе было написано Державинымъ еще около 1780 г., напечатано въ первый разъ въ 1787 г., и уже въ 1795 г., бывъ поднесено императрицѣ вмѣстѣ съ другими стихотвореніями Державина, возбудило противъ себя гнѣвъ государыни.—Императрицѣ сказали, что этотъ псаломъ былъ перефразированъ якобинцами и пѣтъ ими на парижскихъ улицахъ. Императрица стала показывать Державину холодность и носились слухи, что этимъ не ограничится. «Что ты, братецъ, пишешь за якобинскіе стихи?» спросилъ Державина одинъ вельможа. «Царь Давидъ не быть якобинецъ», отвѣчалъ Державинъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, «слѣд., его пѣсни никому не могутъ быть противны». Чтобы оправдаться предъ императрицею, Державинъ написалъ и доставилъ ей чрезъ приближеннѣйшихъ вельможъ объясненіе, въ которомъ между прочимъ говорилъ слѣдующее: «если бы спросили меня: съ какимъ намѣреніемъ переложилъ я псаломъ 81-й? я бы отвѣтствовалъ: не съ инымъ какимъ, а точно съ тѣмъ же, какъ и г. Ломоносовъ—слѣдующій:

Хвалу всевышнему Владыкѣ
Потылся, дулъ чонъ, возмалать:
Я буду пѣть въ громахъ ликъ
О Немъ, пока могу дышать.

Никто не уповай во вѣки
На силу власть князей земныхъ:
Ихъ тѣжъ родили человеки
И пѣть спасенія отъ нихъ.

Словомъ, наше намѣреніе было съ нимъ одно и то же чтобъ небесную истину въ стихахъ и въ чистомъ употребительномъ слогѣ сдѣлать понятнѣе и удобнѣе къ впечатлѣнію въ разумъ и сердца. Самый сей псаломъ, будучи напечатанъ, совѣсть и безъ позволенія моего, не знаю гдѣ, еще въ 1787 году, въ періодическомъ изданіи подъ названіемъ *Зеркало свѣта*, въ первой части, сжали по сіе время не произвелъ ничего дурнаго, то вѣроятно заключить можно, что нигдѣ и впредь не произведетъ никакого зла; ибо проповѣдь священнаго писанія въ прямомъ разумѣ и съ добрымъ намѣреніемъ нигдѣ и никогда не была опасна. Ежели оно въ однихъ мѣстахъ напоминаетъ земнымъ владыкамъ судить людей своихъ въ правду, то въ другихъ съ такою же силою повелѣваетъ народамъ почитать ихъ избранными отъ Бога и повиноваться имъ не только за страхъ, но и за совѣсть. Якобинцы, поправшіе вѣру и законы, такого рода стиховъ не писали*.

Это объясненіе произвело желаемое дѣйствіе. Императрица возманила. Державину свою благодарностию...

4) Четвертый случай, ознаменовавшій эпоху реакціи, касался трагедіи Княжнина *Вадимъ Новгородскій*. Вадимъ Новгородскій, по старинному русскому преданію, воставалъ противъ власти князя Рюрика. Естественно, что въ уста Вадима авторъ трагедіи Княжнинъ долженъ былъ вложить рѣчи республиканца противъ монархизма. Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины эти рѣчи были не по времени. Людская молва говорила, что Княжнинъ въ исходѣ 1790 г. былъ допрашиванъ Шенковскимъ, и впалъ въ слѣдствіе этого въ жестокую болѣзнь, отъ которой и умеръ 14 гелваря 1791 г.

Это несправедливо. При жизни Княжнина его трагедія была неизвѣстна. Она была напечатана въ 1793 г. и тогда уже по содержанію своему возбудила негодованіе императрицы, была отобрана и сожжена ¹⁾).

Поворотъ въ образѣ мыслей импер. Екатерины, произведенный франц. революціею, отразился и во внѣшней ея политикѣ. Понимая, что революція, точно также какъ и предшествовавшая ей модная философія не можетъ ограничиться предѣлами одной Франціи, императрица была проникнута готовностію противоборствовать революціи вооруженною рукою, чтобы положить предѣлъ ея распространенію. Сначала Екатерина много надѣялась на французскихъ эмигрантовъ, особенно на успѣвшихъ бѣжать изъ Франціи прищевъ Бурбонскаго дома. Она думала, что если дать имъ нѣкоторую денежную помощь, то Бурбонскіе принцы могутъ, собравъ около себя тысячъ десять французскихъ дворянъ-эмигрантовъ и нанявъ нѣсколько тысячъ швейцарцевъ, вступить во Францію и возстановить старый порядокъ, опираясь на сочувствіе массы, утомленной революціонными безпорядками. Екатерина сочинила инструкцію, по которой должны были дѣйствовать принцы, чтобы достигнуть желаемого успѣха. (Эта любопытная инструкція напечатана въ *Русск. архивъ* 1866 г.). Совѣты Екатерины были въ высшей степени мудры и практичны. Искусный манифестъ, всеобщая амнистія, формула соединенія, возстановленіе старыхъ монархическихъ атрибутовъ, символовъ и обычаевъ, и наконецъ твердость духа главныхъ начальниковъ дѣла—все это мѣропріятія, весьма дѣйствительныя. Очень можетъ, что Екатерина, еслибы ей самой пришлось усмирять революцію, осуществила бы свою программу съ успѣхомъ. Но она не могла дать Бурбонскимъ принцамъ и

¹⁾ Словарь достопамят. людей Байтышъ-Камеискаго III, 73.

французскимъ эмигрантамъ того, чего у нихъ не было—твердости и благородства духа—этого главнаго основанія успѣховъ; не было класса людей, болѣе испорченнаго, чѣмъ французскіе эмигранты, запятнавшіе себя во всѣхъ странахъ, куда ни приходили, распутствомъ и расточительностію. Принцы крови не составляли исключенія, и предпріятіе ихъ кончилось жалкимъ образомъ.

Второй періодъ въ исторіи противодѣйствія французской революціи составляетъ англо-германская коалиція. Убѣжденная, что дѣло французскаго короля есть дѣло всѣхъ государей, Екатерина убѣждала государей—близкихъ сосѣдей Франціи—вступитъ въ мятежную страну съ вооруженною силою. Тутъ примѣшивались и свои особые расчеты. «Я ломаю себѣ голову», говорила однажды императрица Храповицкому—«какъ бы впутать Австрію и Пруссію въ дѣла французскія; у меня много дѣла на востокъ, и мнѣ хотѣлось бы имѣть руки развязанными». Коалиція состоялась: по увы! дѣйствія ея были несудачны. Французскіе республиканцы жестоко побили союзниковъ. Послѣ того императрица перемѣнила свой взглядъ на революцію и положеніе Франціи. Прежде она думала, что всю Францію легко пройти съ 10,000 войска. Теперь она стала считать Францію опаснѣйшимъ вулканомъ, могущимъ потрясти всю Европу; она думала, что французы въ своемъ отчаянномъ и безвыходномъ положеніи могутъ найти новыя силы къ разрушенію, ибо имъ терять уже нечего. Къ этому времени относится записка о франц. революціи (напечат. въ Русск. арх. 1865. стр. 1282 и слѣд.), гдѣ Екатерина, рассуждая о великой завоевательной силѣ, могущей возникнуть изъ бездны безначалія, является какъ бы пророчицею.

Что же было дѣлать для подавленія столь гибельнаго источника зла? Оставалось одно. Направить на Францію, служившую для всего міра ящикомъ Пандоры, силу русскаго

духа и русскаго оружія, доселѣ несокрушимую. Еще недавно русскіе разгромили въ прахъ Прагу и всюду звучала пѣсня на взятіе Варшавы:

«Слава, слава русской груди,
Слава русскому уму,
Исполать вамъ, русскія люди,
Что послушны вы ему!»

Какъ было не выпустить исполинскую силу русскаго духа противъ гидры французской анархіи? И вотъ Екатерина стала рѣшительно готовиться къ борьбѣ съ Франціею. Къ сожалѣнію мы очень мало знаемъ объ этихъ приготовленіяхъ. Знаемъ, что Суворовъ просился у Екатерины: «матушка, пусти меня бить французовъ!» Знаемъ, что Екатерина заключила союзъ съ Англіею, что приготовленія къ войнѣ были огромны, и что въ результатѣ, по проекту Зубова, должна была послѣдовать совершенная передѣлка карты Европы, (такъ чтобы напр. Вѣна и Берлинъ вошли въ составъ русской имперіи). Смерть импер. Екатерины, послѣдовавшая 6 ноября 1796 г., отъ апоплексическаго удара, положила конецъ этимъ замысламъ. Съ нею сошла въ могилу цѣлая эпоха, ознаменованная и господствомъ на Руси модной философіи и реакціею противъ нея. На сцену исторіи выступили новые люди, новые взгляды, новыя отношенія. И сама, порожденная революціею, французская республика, представлявшаяся такимъ страннымъ и загадочнымъ явленіемъ, скоро превратилась въ наполеоновскую имперію.

Ф. Терновскій.

